

А.В. Гордон

ВОЗВЫШЕНИЕ КИТАЯ В ПАРАДИГМЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

***Аннотация.** В статье рассматриваются итоги реформ в КНР, начавшихся в 1978 г., под углом зрения их осмысления руководством Китая. Подчеркивается, что период реформ стал, по выражению Си Цзиньпина, «крутым историческим разворотом», значимым не только для развития страны, но и для мировоззрения руководства КПК. В современной идеологической доктрине КПК выделяется осмысление необходимости для успешного развития страны того, что в официальных документах называется «открытостью». Этот концепт стал важнейшей идейно-теоретической новацией в рамках политического курса «реформ и открытости», провозглашенного в 1978 г. На основе отмеченной новации складывается глобализационная парадигма, которая определяет место страны в современном миропорядке.*

В статье характеризуется значение исторического процесса глобализации для возвышения Китая, а также противоречия глобального вызова для современного политического устройства страны. Отдельно рассматривается цивилизационный подход к глобализации, как он представлен в идейно-теоретическом обосновании политики «реформ и открытости» руководством КПК: «диалог цивилизаций», важность их взаимодействия и культурного обмена. Обращается внимание на идею единства многообразия цивилизационного развития человечества. В центре статьи воплощение концепта «открытости» во внешнеэкономической политике Китая: экспортноориентированность промышленного производства, зарубежные инвестиции китайского капитала, проект «один пояс – один путь». Указывается на издержки в виде зависимости страны от внешней торговли и технологических инвестиций. Подчеркивается, что зависимость может возрастать в связи с истощением природных ресурсов и неблагоприятными демографическими процессами. В глобально-исторической перспективе очевидна озабоченность Китая сохранением существующего миропорядка с условием занятия в нем ведущих позиций.

***Ключевые слова:** глобализация; возвышение Китая; идеология КПК; политика реформ и открытости; Си Цзиньпин; внешняя политика КНР; мировой порядок; диалог цивилизаций.*

**Гордон Александр Владимирович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Россия, Москва.
E-mail: gordon_alexandr@mail.ru**

Web of Science Researcher ID: AAH-8293-2020;

Scopus Author ID: 57193746873

Gordon A.V. The Rise of China in Globalization Paradigm

***Abstract.** The article discusses the outcomes of reforms in China (1978–2018), as they are understood by the Chinese leadership. It is emphasized that the period of reforms has become, in the words of Xi Jinping, «a sharp historical turn», significant not only for the development of the country, but also for the worldview of Chinese leadership. In today's ideological doctrine of the CCP, there is an understanding of the need of what is called «openness» in official documents for the successful development of the country. This concept has become the most important ideological and theoretical innovation in the framework of the political course of «reforms and openness», proclaimed in 1978. Based on this innovation, there emerges a globalization paradigm that determines the country's place in the modern world order. The article describes the importance of the historical process of globalization for the rise of China as well as the contradictions of the globalization challenge for the modern political structure of the country. Apart from this, the text outlines the civilizational approach to globalization, as it is presented in the ideological and theoretical rationale of the policy of «reforms and openness» by the leadership of the CPC: «the dialogue of civilizations», the importance of their interaction and cultural exchange. Attention is drawn to the idea of the unity of diversity in the civilizational development of humankind. Also in the focus is the implementation of the concept of «openness» in China's foreign economic policy: export-oriented industrial production, foreign investment of Chinese capital, the «one belt – one way» project. Indicated are the costs of this policy in the form of the country's dependence on foreign trade and technological investments. This dependence, states the author, is likely to grow due to the depletion of natural resources and adverse demographic processes. From a global historical perspective, it is obvious that China is strongly concerned with the existing world order, provided it would occupy leading positions in it.*

***Keywords:** globalization; rise of China; ideology of CPC; policy of «reforms and openness»; Xi Jinping; foreign policy of PRC; world order; dialogue of civilizations.*

**Gordon Aleksandr Vladimirovich – Doctor of Historical Sciences,
Principal Researcher, Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN),
Russia, Moscow. E-mail: gordon_alexandr@mail.ru
Web of Science Researcher ID: AAH-8293-2020;
Scopus Author ID: 57193746873**

Произошедшее в результате начавшихся в конце 1970-х годов реформ преобразование Китая – событие всемирно-исторического значения. Превращение страны авангардистских экспериментов над голодающим населением во имя коммунизма в державу номер два мировой экономической системы по значению своему можно сравнить с распадом социалистического блока и

разрушением железного занавеса, а также идеологической поляризацией международных отношений. Явление порожденного этим распадом нового миропорядка, отличающегося интенсивностью и широтой разностороннего взаимодействия, отразилось на возвышении древней азиатской страны самым непосредственным образом. Китай не случайно сделался рьяным поборником глобализации, именно к этой стране последняя обернулась наиболее благоприятной стороной.

Провозглашенная постмаоистским руководством КПК «политика реформ и открытости», сменившая приведший к автаркии курс «опоры на собственные ноги», дала кумулятивный эффект. Огромный трудовой потенциал самой населенной страны мира, растрачиваемый в архаике непрерывных мобилизаций, был направлен на экономическую модернизацию, условия для которой создало массивное привлечение иностранного капитала, оснащенного передовой техникой и технологией. Возвышение Китая в современном миропорядке и поступательная интеграция в мировую систему капитала представляются синонимами. И как следствие – парадигма глобализации утвердилась в стратегическом курсе китайского руководства.

«Реформа и внешняя открытость являются великой революцией в истории китайского народа и китайского государства», – заявил Си Цзиньпин на торжественном заседании в Пекине 18 декабря 2018 г., посвященном 40-летию пленума ЦК КПК, который ознаменовал, как теперь (ретроспективно!)¹⁾ сообщают в СМИ и официальных документах, новую эпоху в новейшей истории страны. Назвав этот период «эпохальным этапом в реализации национального возрождения Китая», Си поставил его рядом с сакральными датами создания КПК (1921) и образования КНР (1949).

Китайский руководитель подчеркнул, что произошел «крупный исторический разворот» в политике КПК, ставший необходимостью из-за катастрофического положения, в котором оказалась страна после десятилетия «культурной революции», а также нараставшего отставания от научно-технического прогресса. Резюмируя достижения за 40 лет реформ, Си Цзиньпин сделал вывод, буквально выстраданный китайской историей последних столетий: «Открытость приводит к прогрессу, в то время как замкнутость, напротив, к отсталости» [Си 2018 а].

Политика внешней открытости была обоснована цивилизационным подходом в выступлении Си Цзиньпина в ЮНЕСКО (2014). Выступление было проникнуто патетикой единства человеческой цивилизации и представлением, что отдельные региональные или национальные цивилизации суть составные части ее, сформировавшиеся благодаря взаимодействию, обучению друг

1. Вначале решения этого пленума подавались в прессе как некая очередная корректировка курса [Гордон 2003, с. 160].

у друга и обмену культурными достижениями. Была озвучена и идея специфичности каждой отдельной цивилизации, поскольку они возникли на определенной территории и субъектом становился народ, занимающий эту территорию и являющийся носителем определенной культурной традиции. Каждая из традиций имеет право на существование, а их разнообразие обогащает все человечество. Си Цзиньпин указывал на китайскую цивилизацию, которая, являясь плодом «труда и ума» китайского народа, вместе с тем формировалась в интенсивном межцивилизационном взаимодействии [Си 2017, с. 352–353].

Цивилизационный экскурс отнюдь не был упражнением в риторике, рассчитанным на завоевание благожелательности широкой международной аудитории. В речи нашли отражение как личные склонности и широта кругозора китайского руководителя, так и положения, принципиально важные для реализации реформаторского курса. Первое – это цивилизационное обоснование выбора своего пути, собственной модели, официально именуемой «социализмом с китайской спецификой». У каждой цивилизации, доказывал китайский руководитель, есть свои достоинства, у каждой модели развития есть свои недостатки. Нет универсальных моделей, пригодных для всех стран, поэтому стремление подогнать собственную модель развития под «привычные каноны» может принести только вред [Си 2017].

Второе – решительное осуждение популярной концепции «столкновения цивилизаций». Выдвинутой известным американским политологом, но не поименованной в выступлении доктрине Си Цзиньпин противопоставлял принцип культурного взаимодействия. Он исходил из того, что дух открытости присущ каждой цивилизации. Такая «инклюзивность», уверял Си, сделает невозможным межцивилизационный конфликт и, напротив, приведет в конечном итоге к «гармонии цивилизаций» [Си 2017].

С приходом к власти поколения китайских руководителей во главе с Си Цзиньпином глобальная парадигма государственного развития как связь между укреплением международных позиций страны и ее будущим была закреплена на доктринальном уровне. В октябре 2014 г., выступая на самом представительном со времени прихода КПК к власти партийном форуме по внешнеполитическим вопросам², Си представил амбициозный внешнеполитический курс «стремиться к достижению (*fenfayouwei*)». Речь шла о том, чтобы обеспечить Китаю такое международное положение, которое могло благоприятствовать решению триединой задачи продолжения реформ,

2. Присутствовали руководители всех уровней власти: члены Политбюро, секретари ЦК КПК, руководители провинциальных комитетов КПК, министры, государственные советники, военачальники, руководители финансовых учреждений и ведущих государственных корпораций.

экономического развития и политической стабильности [Yan 2014, p. 166]. «Достижительный», скажем так, курс пришел на смену выработанным в начале 90-х годов установкам Дэн Сяопина «держаться в тени», призывавшим руководство КПК приспособляться к существующему миропорядку, используя его благоприятные стороны для успеха реформ и экономического подъема.

Лидер пятого поколения китайских руководителей (архитектор реформ Дэн Сяопин по китайской классификации принадлежал ко второму поколению) выдвигает задачу изменить миропорядок так, чтобы тот благоприятствовал развитию КНР. Решение этой задачи ставится в прямую связь с осуществлением «великой мечты китайского народа о возрождении страны» – программная установка, сформулированная Си при приходе к власти в 2012 г.

Идеологема «возрождение» вбирает в себя как модернистские, так и цивилизационно-классические элементы. Свою победу в гражданской войне и завоевание власти китайские коммунисты представляли стремлением к реваншу за «век унижения», в который ввергла великую страну империалистическая экспансия западных держав (а также России и Японии), начавшаяся с Опиумных войн (1840-е годы). Наряду с ликвидацией социально-экономической отсталости стремление к геополитическому реваншу сделалось легитимацией для общественно-политического устройства, предполагающего монополию КПК на власть. Реванш означает восстановление былого величия Поднебесной, осмысливаемого в традиционалистских категориях. Знаменательно, что этот курс был окрещен экспертами «реставрационистским национализмом» [China 2010, p. 282–283].

Прологом называют деятельность Мао Цзэдуна, соединившего идеи национального возрождения с догматами социальной революции. У постаоистского руководства КПК эти идеи сплавляются с возвышением в мировой экономической системе, обретая выраженную глобалистскую ориентированность, позволившую, как утверждают в китайском руководстве, проявиться лучшим качествам нации и обогатить национальный характер новыми гранями, соответствующими современной эпохе. «Великий дух реформ и открытости», убежден Си Цзиньпин, существенным образом обогатил «китайский национальный характер» и стал самым ярким его проявлением [Китай 2018 б].

«Мы все увереннее занимаем центральную позицию на мировой арене», – с гордостью заявляет Си; и это заявление отсылает нас к исторической традиции, когда Китай был центром миропорядка, реально ограниченного Восточной и отчасти Юго-Восточной и Центральной Азией, но идеально, в имперских представлениях оказывавшегося синонимом Ойкумены, всего населенного людьми земного пространства. Отсюда два фундаментальных для цивилизационной идентичности страны понятия: Срединное государство (*чжунго*) и Поднебесная (*тянься*). Ставшие ее самоназванием, эти понятия

проливают своеобразный свет на то, что кажется простой риторикой, и побуждают задуматься над глубинными интенциями китайского руководства.

«Мы активно содействуем формированию *открытой* мировой экономики, человечества *с единой судьбой*, содействуем преобразованиям системы *глобального управления*, следуем неизменному курсу под лозунгом борьбы с гегемонизмом», – указывал Си, конкретизируя новый внешнеполитический курс [Си 2018 а; курсив мой. – А. Г.]. И в этих доктринальных установках обнаруживается наложение разных эпох, культурных стилей и политических моделей.

Установка на «открытую мировую экономику» выражает реализм и прагматичность начатой 40 лет назад политики «реформ и открытости»; стремление Пекина к преобразованию «системы глобального управления» с целью изменения своего положения в ней – очевидность современного курса. А «борьба с гегемонизмом» – это подлинно «лозунг» и притом унаследованный от правления Мао Цзэдуна, когда в Пекине обличали КПСС и советское руководство. Суть провозглашенного Си «достижительного» курса выражен в комментарии центрального агентства КНР Синьхуа, которое выделило в его выступлении на упомянутом форуме задачу «продвижения китайских интересов на базе растущего могущества на мировой арене» [Swaine 2015 b, p. 7].

В китайских СМИ и профессиональном сообществе широко муссируется идея превращения страны в великую державу, притом что понятие «развивающаяся страна» применительно к Китаю сохраняет еще свою значимость и вбрасывается Пекином в лексикон международных отношений, когда требуется обосновать несогласие со сложившейся практикой. Иначе говоря, нынешнее руководство КПК не отказалось от доставшейся по наследству претензии на защиту прав «эксплуатируемых и угнетенных народов», а ныне лидера «неприсоединившихся» к военно-политическим блокам, развивающихся стран. Поэтому оговаривается, что «великодержавная политика», которую экономическое могущество ныне позволяет вести Китаю, имеет «китайские черты».

Это привычный набор – мирное сосуществование, невмешательство во внутренние дела других стран со стороны великих держав и т.п. Новым стало выдвижение принципа «взаимовыгодности»: Китай предлагает всем странам отношения на паритетных, партнерских началах. Все это и входит в понятие великодержавной политики с «китайскими чертами», появление которого в прессе КНР относят к первой половине 2013 г. [Swaine 2015 b, p. 12].

Принцип «взаимовыгодности (*win win*)» предложен был прежде всего Соединенным Штатам. «Достижительный» курс предполагает поддержание отношений с Америкой на партнерской основе. Такова суть выдвинутой Си Цзиньпином во время визита в США в феврале 2012 г. (накануне прихода к власти) доктрины «отношений нового типа между великими державами».

Си внушал американским собеседникам: «Китай желает идти с Соединенными Штатами одной дорогой, поддерживать с ними тесные контакты высокого уровня и путем различных форм диалога, обменов и связей продолжать осваивать огромный потенциал китайско-американского сотрудничества». Орган ЦК КПК газета «Жэньминь жибао» констатировала, что «отношения между КНР и США уже перешли границы только двусторонних отношений, воздействуя на весь мир», а каждая встреча китайских и американских руководителей имеет «историческое значение и глобальное влияние» [Кокарев 2012].

То, что Пекин делает ставку в развитии двусторонних связей на экономическую заинтересованность, привлекательность растущей экономики Китая для американского крупного бизнеса стало очевидным уже во время первого государственного визита Си Цзиньпина в США (сентябрь 2015 г.). Симптоматично, как отмечали обозреватели, что визит начался с посещения штаб-квартиры «Майкрософт» в Сिएттеле. Здесь, на встрече с представителями американских деловых кругов, китайский руководитель выразил намерение развивать активное экономическое сотрудничество. Было заявлено о закупке Китаем партии пассажирских «Боингов», что было расценено как сигнал серьезности подобных намерений [Blackwill, Campbell 2016, p. 23].

К тому времени двусторонний товарооборот подошел к отметке в 500 млрд долл., тогда как в начале реформ он не достигал и 10 млрд (7,7 млрд). Объем прямых американских инвестиций в китайскую экономику достиг 128,5 млрд долл. Си посулил, что за пять ближайших лет Китай может ввезти товары на 10 трлн долл. Симптоматичным подтверждением курса на внешнюю открытость стало заявление о развитии иностранного туризма. Была озвучена фантастическая для прошлых времен истории КНР цифра в 500 млн человек, которые предположительно смогут посетить зарубежные страны [Первый 2015].

Важна и внутренняя для США сторона развития экономических связей с Китаем: они позволили создать 3 млн новых рабочих мест, тогда как американцы-потребители на приобретении дешевых китайских товаров смогли сэкономить более 600 млрд долл. [Кокарев 2012]. А главным приобретением Китая стали обширные американские инвестиции, обеспечившие страну передовой промышленной технологией. США оставались много лет и крупнейшим рынком сбыта для китайских товаров. На такой взаимовыгодной основе отношения с США сохраняются до сих пор и, похоже, выдержат даже кавалерийский наскок нынешнего хозяина Белого дома.

В Пекине настроены не только прагматично, но и достаточно реалистично: Китай – «восходящая страна», США – господствующая в миропорядке. Соперничество за лидерство неизбежно. Об этом свидетельствует исторический опыт. Описывая то, что у международных игроков получило название «ловушка

Фукидида», профессор Гарвардского университета Г. Аллисон подсчитал, что за пять веков всемирной истории военный конфликт между восходящей державой и гегемоном происходил в 11 случаях из 15 [Allison 2013].

Поскольку в международном сообществе «ловушка Фукидида» примеривают к отношениям между США и восходящим Китаем, на эту тему высказался и Си Цзиньпин. Он отрицал неизбежность возникновения «ловушки Фукидида», иначе говоря, описанной древнегреческим историком ситуации, когда страхи Спарты перед усилением могущества Афин привели к затяжной Пелопонесской войне. Однако китайский руководитель допустил, что подобная ситуация может возникнуть из-за повторения великими державами стратегических просчетов.

Понимая неизбежность соперничества между США и Китаем, в Пекине всячески хотят избежать прямой конфронтации, подобной отношениям между США и СССР во времена холодной войны, предложив сочетание взаимовыгодного сотрудничества и «здорового соперничества» на мировой арене или, по крайней мере, – «мирного соперничества». Как разъясняется в верхах, идет поиск «новых форм регулирования различий между Китаем и США» [Yan, 2014, p. 171; Explaining 2015].

В Пекине хорошо понимают, что успешное соперничество с гегемоном требует создания прочного тыла в виде поддержки в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в первую очередь со стороны ближайших соседей. Этим озабочено не только руководство, но и профессиональное сообщество. Глава Школы международных исследований Пекинского университета Ван Цзиси обратил внимание на оборотную сторону возвышения Китая: «Китай чувствует себя все в меньшей безопасности» из-за возникновения опасений перед возросшим могуществом страны со стороны окружения, что необходимо преодолеть активной и целеустремленной политикой. «*Великие державы – это ключевой вопрос, а периферии приоритет (daguo shi guanjian, zhoubian, shi shouyao)*», – так сформулировал подобный внешнеполитический курс руководитель Института современных международных отношений в университете Цинхуа Янь Сюэтуна [Explaining 2015].

Что же предлагают в Пекине для «периферии»? Си Цзиньпин (октябрь 2013 г.) в Совете народных представителей Индонезии выступил с речью, в которой, изложив китайскую политику в регионе, выдвинул стратегическую концепцию создания участниками Сообщества общей судьбы Китай – АСЕАН. Комментируя визит руководителя, газета «Жэньминь жибао» возвестила о Проекте построения сторонами «морского Шёлкового пути в XXI веке».

Еще раньше, выступая в столице Казахстана, Си выдвинул идею возрождения континентального Шёлкового пути. Были созданы соответствующий фонд и Международный банк инфраструктурных инвестиций. Пекин обещает

участникам проекта большие капиталовложения в железнодорожные, автомобильные, морские и воздушные коммуникации. «Железные и автомобильные дороги, порты и аэропорты, – утверждает один из китайских экономистов, – имели решающее значение в экономическом успехе Китая. Китай теперь хочет, чтобы и его соседи применили эту стратегию роста» [Swaine, 2015 а, р. 8].

В Пекине озаботились, чтобы проект «один пояс – один путь», объединяющий континентальное и морское направления, не выглядел актом китайской экспансии, поэтому выдвижение его сопровождалось энергичной пропагандистской кампанией, сулившей многочисленные блага примкнувшим странам. «Китайский экономический экспресс» послужит на пользу всему миру, уверяют авторы проекта [Lui 2015].

Категорически отрицаются военно-политические аспекты и геополитические интересы. Проект противопоставляется плану Маршалла как порождению холодной войны: американская помощь служила инструментом в борьбе с социализмом в Европе и не распространялась на страны советского блока, тогда как проект «один пояс – один путь» универсален. Проект, подчеркивал глава внешнеполитического ведомства КНР, открыт для всех стран, у них не будут спрашивать, «чи они союзники, какова их религия, каких политических доктрин они придерживаются и каковы были в прошлом их отношения с Китаем». Проектом, заявляют в Пекине, Китай «решил создать прецедент мирного возвышения великой державы» [Swaine 2015 а, р. 11–12].

Проект «один пояс – один путь» оценивается и в самом Китае, и в экспертных сообществах за рубежом как важнейшая инициатива Си Цзиньпина, которая далеко выходит за рамки транспортной инфраструктуры путей сообщения Старого Света. «Если цели будут достигнуты, – пишут Рахман Саиф Ур (Университет Восточного Лондона, Англия) и Чжао Шужун (Школа политической науки и государственной администрации Научно-технического университета электроники, Китай), – произойдет изменение правил игры для региона и мира в целом, знаменуя новую эпоху мирового развития с Китаем во главе» [Rehman, Zhao 2017]. Аналогична реплика в Рунете: это «одна из величайших экономических программ в истории»; «кардинальная смена экономико-политического ландшафта – лишь малая часть того, что нас ждет» [Ильин].

Похоже, мир ждет действительно нечто большее, причем во всемирно-историческом масштабе. Полная реализация проекта может способствовать переходу гегемонии от морских держав, как было в эпоху Великих географических открытий, к континентальным силам во главе с Китаем, что сулит радикальный (и драматический) поворот в современном цивилизационном процессе. Вместе с сопутствующими инициативами проект видится сигналом

и своего рода воплощением внешнеполитического курса, направленного на обретение Китаем статуса ведущей глобальной державы.

Для обретения гегемонии в современном мире нужен образ лидера, предлагающего новую парадигму миропорядка. В Пекине это хорошо понимают и серьезно озабочены международным имиджем Китая. Характерны размышления такого авторитетного международника из КНР, как Янь Сюэтунь: «Из-за анархической природы международных отношений восходящая держава неизбежно бросает вызов нынешнему гегемону». Успех зависит от того, сумеет ли такая держава, в данном случае Китай, создать привлекательный имидж для своей политики на международной арене. Именно привлекательный имидж может дать Китаю «большее число союзников, чем у нынешнего гегемона», что и гарантирует в конечном счете обретение «статуса ведущей мировой державы» [Yan 2014, p. 182].

Янь Сюэтунь ссылается на поучение древнекитайского мыслителя Сюнь-цзы³: «Авторитет среди людей обусловлен нравственностью, гегемония – завоеванием доверия». Возвышающемуся Китаю важно обрести соответствующее «стратегическое доверие», тогда его лидирующее положение в мировом порядке будет воспринято другими международными субъектами. А для этого Китаю следует добиваться авторитета в гуманитарной сфере (unless it adopts a humane authority strategy) [Yan 2014, p. 161–162].

Такая стратегия, направленная на установление нового мирового порядка, находится всецело в русле древней политической традиции страны, которую современный китайский ученый сводит к формуле «высшая форма мирового лидерства должна быть основана на сочетании материальной силы и нравственности» [Yan 2014, p. 163]. Нравственность вычитывается в постулатах древнекитайской мудрости, одобренных современными идеями китайского руководства о взаимной пользе, которую сулит всем странам мира сотрудничество с возвышающимся Китаем. Эти идеи подкрепляются «материальной силой» в виде огромных финансовых ресурсов Китая.

Экспансия капитала превратилась в своеобразный *modus vivendi* современной китайской экономики. Не находя возможностей для эффективного использования внутри Китая в силу удорожания рабочей силы и истощения природных ресурсов, выведенные за рубеж эти инвестиции остаются частью внутреннего воспроизводственного механизма и через извлекаемую прибавочную стоимость поддерживают китайскую модель экономики, производную от того, что именуется «социализмом с китайской спецификой».

3. В политической теории мыслителя II в. до н.э. Сюнь-цзы этический посыл учения Конфуция сплавлялся с прагматизмом другого направления классической мысли – школы легистов. Сюнь-цзы полагал, что для политического успеха требуется сочетание силы с духовным авторитетом.

По мнению профессора Школы востоковедения Высшей школы экономики А.А. Маслова, высказанному в интервью радио «Свобода», происходит сплав экономической модели с традиционной коммунистической идеологией КПК, руководство которой убеждено, что для «устойчивости эта модель должна быть распространена за рубеж, как когда-то Ленин говорил о распространении мировой революции, которая не может совершиться только в одной стране». Думаю, более точно другое суждение авторитетного российского специалиста: «Внутренняя китайская экономика не может выжить без дальнейшего развития за рубежом» [Шароградский 2018].

Существуют объективные обстоятельства, которые обуславливают необходимость глобалистской перспективы. Бурный спурт реформ сделал Китай не только второй экономикой мира, но и макрозависимым от мировой экономической системы. Соединение факторов «экономического чуда» – собственных трудовых ресурсов и заимствованных ресурсов передовой технологии – продолжает действовать, но уже совершенно иначе, внушая растущую тревогу в самом Китае и опасения в мире.

«Дальнейший рост Китая, – предупреждал Э.С. Кульпин⁴, – возможен только за счет ресурсов всей планеты, что в перспективе чревато глобальной напряженностью. Дальнейшее же развитие возможно за счет новых технологий – осуществления перехода от догоняющей к опережающей модернизации» [Кульпин 2014, с. 124].

Преодолеть экологический кризис, порожденный предельным использованием природных ресурсов, заодно с демографическим кризисом, обусловленным старением населения⁵, Китай не может без углубленного преобразования всего общества и прежде всего структуры экономического роста. Переход к «опережающей модернизации» означает опережение развитых стран в научно-технических разработках. Между тем технологическая зависимость китайской экономики продолжает оставаться очень значительной: ее ведущие отрасли более чем на 50% зависят от импорта техники и технологии [Виноградов 2014, с. 174].

В директивном порядке страна наращивает патентную базу, но собственные изобретения обычно малозначимы, в то же время в 2017 г. Китай заплатил 28,6 млрд долл. за использование объектов интеллектуальной собственности других стран [Ли Хуэй 2018]. Предприятия с участием иностранного капитала обеспечивают 50% китайского экспорта, 25% промышленного

4. Основатель российской школы социоестественной истории Эдуард Сальманович Кульпин (1939–2015).

5. Из-за политики «одна семья – один ребенок» Китай вышел на уровень рождаемости развитых стран. С отказом от курса китайское руководство запоздало [China's 2019].

производства, 20% налоговых поступлений, 10% рабочих мест [Китай отметил... 2018]. Несмотря на усилия по расширению внутреннего рынка, страна продолжает в критической степени зависеть от внешней торговли. По данным Всемирного банка, внешнеторговый оборот в 2017 г. составил почти 38% ВВП [Сможет ли... 2019].

При всем том ориентация на внешние связи имеет ограничители далеко не только экономического свойства. По крайней мере не менее важны политические интересы. Си Цзиньпин требует, чтобы в политике открытости поддерживался «баланс» между экономическим развитием и стабильностью [Си 2018 а]. Глобализация предъявляет режиму партократии серьезные вызовы. И режим отвечает в первую очередь поступательным блокированием информационного потока извне.

Заметим, в Китае придают большое значение информатизации, причем не только из-за значения этой отрасли для современного развития страны, но и в перспективе перехода мировой цивилизации от индустриального общества к обществу информационному, поскольку в Китае вынашиваются амбициозные планы на достижение страной лидерских позиций именно на этом, новом этапе цивилизационного развития и именно в этой сфере [Обзорный 2011].

Между тем информатизация совершенно очевидно рассматривается китайским руководством и как вызов. Ставя целью превращение Китая в «сетевую державу» и поддерживая широкое распространение Интернета (например, в онлайн-торговле), партийное руководство выдвигает на передний план обеспечение «сетевой безопасности». Примечателен стиль постановки этой стратегической задачи, побуждающий не только оценить значение, которое ей придает китайское руководство, но и вспомнить о традициях правящей партии как военно-революционной организации. «Сетевую державу», согласно Си Цзиньпину, должна строить «сильная армия кадров», высоко сознательных политически, высококвалифицированных в области информационных технологий и обладающих деловитостью. А поскольку «создать «тысячу армий легко, а найти генерала трудно»⁶, главная надежда возлагается на командование. Это Руководящая группа ЦК КПК по обеспечению сетевой безопасности и информатизации, которой поручается «непрерывное повышение способности по обеспечению безопасности в данной области» [Си 2017, с. 275].

Принятые и принимаемые меры по обеспечению сетевой безопасности действительно напоминают военные действия. По подобию Великой китайской стены, которая в древности должна была защищать Поднебесную от нашествия чужеземных варваров, с конца 1990-х годов в КНР стали создавать

6. Из драмы эпохи правления династии Юань (XIII–XIV вв.).

систему блокирования нежелательного торрента в Интернете – *Великий китайский файрвол*⁷. Прежде всего были введены разнообразные и прямые административные запреты. Так, прекращено транслирование важнейших социальных сетей Youtube, Facebook, Instagram, а Google подчиняется ограничениям, наложенным надзорными органами КНР.

За этой передовой линией укрывается глубоко эшелонированная оборона, которая должна перекрыть все каналы идеологически опасной информации. На ближних подступах действует многотысячная армия контролеров, претензии которых к благонадежности Сети становятся все более изощренными в соответствии с указаниями руководящих органов, отвечающих за цензуру.

Фильтрация информации сказывается на изучении современного Китая. В последние годы заметно сократилось число полевых исследований. Место характеристики сложных социальных процессов занимают впечатления туристов, восторгающихся небоскребами и сверхскоростными магистралями, вкупе с официальными отчетами о грандиозных достижениях. Благостные картины в изобилии поставляются за рубеж различными видами вещания в рамках хорошо отлаженной и финансово обеспеченной пропагандистской системы [Lim, Bergin, 2018]. Вдумываешься, может и прав автор суждения «Китай не хочет, чтобы его постигали»? [Карагодин 2015].

Открытость Китая на современном этапе выглядит весьма двусмысленной. Нет железного занавеса. Масса граждан КНР работают за рубежом, миллионы выезжают туристами, сотни тысяч студентов учатся в европейских и большей частью американских университетах. В то же время идеологический контроль усиливается, СМИ заняты навязчивой пропагандой свершений и грандиозных планов, в вузах интенсифицируется обучение марксизму с «китайской спецификой».

На торжествах по случаю 70-летия образования КНР Си Цзиньпин появился в сером пиджаке с высоким воротничком – прославленным Мао Цзэ-дуну⁸, а накануне посетил усыпальницу великого кормчего. Он напутствовал участников парада краткой речью: «Никакая сила не может поколебать наш статус великой державы, никакая сила не может помешать китайскому народу и китайской нации идти вперед» [Портякова 2019]. Сила была продемонстрирована в полной мере крупнейшим в истории страны военным парадом с демонстрацией новейших видов вооружения.

7. На эту тему существует обширная литература. См. напр.: [Краткая история 2018].

8. В западных СМИ обычно эту форму одежды называют *Maos suit* – «китель Мао», на самом деле ее ввел Сунь Ятсен, позаимствовав японский образец. Очевидно, этот стиль призван демонстрировать культурную суверенность, аналогично национальному одеянию индийских, иранских, арабских, африканских и других правителей.

Иностранных делегаций на торжествах не было, зато впервые на парадах был представлен китайский миротворческий контингент. Во времена Мао КНР выступала против такой формы международного сотрудничества, как иностранное вмешательство. Ныне Китай предоставляет самое большое число людей для участия в миротворческих миссиях ООН и является вторым крупнейшим спонсором таких операций [Карагодин 2015]. Так символически была подчеркнута решимость Китая брать на себя ответственность за поддержание мира во всем мире.

Реформы стали серьезным испытанием для мировоззрения руководителей КПК. И этот опыт подвигнул к размышлениям и выводам, важнейший из которых – недопустимость изоляционизма. По словам Си, в изложении агентства Синьхуа, «любая страна или нация, стремящаяся к возрождению, должна следовать логике истории и тенденциям эпохи» [Си 2018 б].

В поддержку своего убеждения Си Цзиньпин приводит суждение наиболее почитаемого предшественника образования КНР Сунь Ятсена о том, что для успеха своей политики руководитель страны должен следовать «мировому течению». В наше время «мировое течение» ассоциируется с глобализацией, и современный руководитель Китая выбирает для страны этот путь [Си 2017, с. 362].

Библиография

«Сообщество общей судьбы» Китай – АСЕАН // Лента-Политика. 2013. 9 окт. URL: <http://www.godon.org/polit-131009112938> (дата обращения: 5.10.2019).

Виноградов А.В. Китайская цивилизация и современность // Китайская цивилизация в глобализирующемся мире. М.: ИМЭМО, 2014. Т. 1. С. 172–176.

Гордон А.В. Преобразование китайской деревни: борьба мнений // Китайская деревня: рубеж тысячелетий. М.: ИНИОН, 2003. С. 160–179.

Ильин Д. «Один пояс – один путь» // Яндекс-Дзен. 2018. 30 авг. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5b1d0f85c0ec1000a9ddffa9/odin-poias--odin-put-5d64b404f73d9d00adeba96b> (дата обращения: 15.10.2019).

Карагодин А. «Китай не хочет, чтобы его постигали» / Интервью с А.А. Масловым // Первый русский журнал. 2015. 19 нояб. URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/2138457> (дата обращения: 15.10.2019).

Китай отметил 40-летие реформ и открытости заявкой на дальнейшее развитие // РИА Новости. 2018. 18 дек. URL: <https://ria.ru/20181218/1548207286.html> (дата обращения: 5.10.2019).

Китай отмечает 40-ю годовщину политики реформ и открытости // Синьхуа Новости. 2018. 18 дек. URL: http://russian.news.cn/2018-12/18/c_137682814_2.htm (дата обращения: 5.10.2019).

Кокарев К.А. Китай и США на пороге «новых» отношений // Российский институт стратегических исследований. 2012. 28 февр. URL: <https://riss.ru/analytics/2500/> (дата обращения: 5.10.2019).

Краткая история ИБ в Китае: как возводили Великий китайский файрвол // Хабр. 2018. 30 апр. URL: <https://habr.com/company/vasexperts/blog/354698/> (дата обращения: 5.09.2019).

Кульпин Э.С. Историческая динамика Китая сквозь призму социоестественной истории // Китайская цивилизация в глобализирующемся мире. М.: ИМЭМО, 2014. Т. 1. С. 110–125.

Ли Хуэй. 40 лет реформ и открытости: новая отправная точка развития Китая в качестве члена ВТО / Интервью с китайским послом в Москве // ТАСС. 2018. 2 нояб. URL: <https://tass.ru/opinions/5750950> (дата обращения: 5.10.2019).

Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010). М.: Весь мир, 2011. 256 с.

Первый государственный визит Си Цзиньпина в США продолжается // ARD. 2015. 24 сент. URL: <http://asiarussia.ru/news/9216/> (дата обращения: 5.10.2019).

Портякова Н. Пекин в честь юбилея устроил крупнейший в истории КНР военный парад, Гонконг – новые беспорядки // Известия. 2019. 2 окт. URL: <https://iz.ru/927505/nataliia-portiakova/gordost-i-ubezhdeniia-kak-kitai-otmetil-svoe-70-letie> (дата обращения: 10.10.2019).

Свищев А. Сможет ли Китай выйти за рамки подражания своим более развитым партнерам // Версия. 2019. 28 окт. № 41. URL: <https://versia.ru/smozhet-li-kitaj-vyjti-za-ramki-podrazhaniya-svoim-bolee-razvitym-partneram> (дата обращения: 5.11.2019).

Си Цзиньпин назвал политику реформ и открытости эпохальным этапом возрождения Китая // ТАСС. 2018. 18 дек. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5924525> (дата обращения: 5.10.2019).

Си Цзиньпин: 40 лет реформ и открытости позволили сделать много ценных выводов // Синхуа Новости. 2018. 10 апр. URL: http://russian.news.cn/2018-04/10/c_137100067.htm (дата обращения: 5.10.2019).

Си Цзиньпин. О государственном управлении. 2-е изд. Пекин: Изд-во лит. на иностранных яз., 2017. 650 с.

Шароградский А. Китайская пирамида. Исчерпаны ли ресурсы для экспансии? / Интервью с А.А. Масловым // Радио «Свобода». 2018. 23. дек. URL: <https://www.svoboda.org/author/андрей-шароградский/qmqi> (дата обращения: 5.11.2019).

NI: США и Китай идут к войне, но ее еще можно избежать // РИА Новости. 2015. 18 окт. URL: <http://ria.ru/world/20151018/1304095531.html#ixzz48bsUHMBZ> (дата обращения: 12.08.2019).

Allison G.T. Obama and Xi must think broadly to avoid a Classic Trap // New York Times. 2013. June 6. URL: <http://www.nytimes.com/2013/06/07/opinion/obama-and-xi-must-think-broadly-toavoid-a-classic-trap.html> (дата обращения: 15.06.2019).

Blackwill R.D., Campbell K.D. Xi Jinping on the global stage: Chinese foreign policy under a powerful but exposed leader. N.Y.: Council on foreign relations, 2016. XI, 67 p.

China and international relations: The Chinese view and the contribution of Wang Gungwu / Ed. by Zheng Yongnian. N.Y.: Routledge, 2010. 351 p.

China's population shrinks for first time in 70 years despite two-child policy // Japan Times. Tokyo, 2019. Jan. 4. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2019/01/04/asia-pacific/social-issues-asia-pacific/chinas-population-shrinks-first-time-70-years-despite-two-child-policy-experts/#.XDCX YVwzaDI> (дата обращения: 15.08.2019).

Explaining China's foreign policy reset // China analysis. S. l., 2015. URL: www.ecfr.eu/.../chinaanalysiseng_special_issue_1 (дата обращения: 12.07.2019).

Lim L., Bergin J. Inside China's audacious global propaganda campaign // Guardian. 2018. Dec. 7. URL: <https://www.theguardian.com/news/2018/dec/07/china-plan-for-global-media-dominance-propaganda-xi-jinping> (дата обращения: 11.07.2019).

Liu Xiaoming. New Silk Road is an opportunity not a threat // Financial Times. 2015. May 24. URL: <http://www.ft.com/intl/cms/s/0/c8f58a7c-ffd6-11e4-bc30-00144feabdc0.html#axzz3bH6GePCA> (дата обращения: 15.10.2019).

Rehman Saif Ur, Zhao Shurong. Analysis of Chinese Economic and National Security Interests in China-Pakistan Economic Corridor (CPEC) under the Framework of One Belt One Road (OBOR) Initiative // Arts and Social Sciences. 2017. Vol. 8. N 4. URL: <https://www.omicsonline.org/open-access/analysis-of-chinese-economic-and-national-security-interests-in-chinapakistan-economic-corridor-срес-under-the-framework-of-one-be-2151-6200-1000284.php?aid=91492> (дата обращения: 15.10.2019).

Swaine M.D. Chinese views and commentary on the «One belt, one road» initiative. S. I.: Hoover institution, 2015. 24 p. (China leadership monitor N 47).

Swaine M.D. Xi Jinping's address to the Central conference on work relating to foreign affairs: Assessing and advancing major power diplomacy with Chinese characteristics. S. I.: Hoover institution, 2015. 19 p. (China leadership monitor N 46).

Yan Xuetong. From keeping a low profile to striving for achievement // Chinese j. of international politics. Oxford, 2014. Vol. 7. N 2. P. 153–184.

References

Allison G.T. Obama and Xi must think broadly to avoid a Classic Trap. New York Times. 2013. June 6. URL: <http://www.nytimes.com/2013/06/07/opinion/obama-and-xi-must-think-broadly-toavoid-a-classic-trap.html> (date of access: 15.06.2019).

Blackwill R.D., Campbell K.D. Xi Jinping on the global stage: Chinese foreign policy under a powerful but exposed leader. N.Y.: Council on foreign relations, 2016. XI, 67 p.

China and international relations: The Chinese view and the contribution of Wang Gungwu / Ed. by Zheng Yongnian. N.Y.: Routledge, 2010. 351 p.

China's population shrinks for first time in 70 years despite two-child policy. Japan Times. Tokyo, 2019. Jan. 4. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2019/01/04/asia-pacific/social-issues-asia-pacific/chinas-population-shrinks-first-time-70-years-despite-two-child-policy-experts/#.XDCX YVwzaDI> (date of access: 15.08.2019).

Explaining China's foreign policy reset. China analysis. S. I., 2015. URL: www.ecfr.eu/.../chinaanalysiseng_special_issue_1 (date of access: 12.07.2019).

Gordon A.V. Preobrazovanie kitajskoj derevni: Bor'ba mnenij // Kitajskaja derevnja: Rubezh tysjacheletij [Transforming a Chinese Village: Fighting Opinions // Chinese village: turn of the century]. Moscow: INION, 2003. P. 160–179. (In Russ.)

Il'in D. «Odin pojas – odin put'» [«One Belt, one Road»]. Jandeks-Dzen. 2018. 30 Aug. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5b1d0f85c0ec1000a9ddffa9/odin-pojas--odin-put-5d64b404f73d9d00adeba96b> (date of access: 15.10.2019). (In Russ.)

Karagodin A. «Kitaj ne hochet, chtoby ego postigali» / Interv'ju s A.A. Maslovym. Pervyj russkij zhurnal [«China doesn't want to be caught» / Interview with A.A. Maslov. First Russian magazine.]. 2015. Nov. 19. URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/2138457> (date of access: 15.10.2019). (In Russ.)

Kitaj otmechaet 40-ju godovshhinu politiki reform i otkrytosti. Sin'hua Novosti [China celebrates 40th anniversary of reform and opening up policy. Xinhua News]. 2018. Dec. 18. URL: http://russian.news.cn/2018-12/18/c_137682814_2.htm (date of access: 5.10.2019). (In Russ.)

Kitaj otmetil 40-letie reform i otkrytosti zajavkoj na dal'nejshee razvitie. RIA Novosti [China celebrated 40 years of reforms and openness. RIA News]. 2018. Dec. 18. URL: <https://ria.ru/20181218/1548207286.html> (date of access: 5.10.2019). (In Russ.)

Kokarev K.A. Kitaj i SShA na poroge «novyh» otnoshenij. Rossijskij institut strategicheskikh issledovanij [China and USA on the threshold of «new» relations. Russian Institute for Strategic Studies]. 2012. Feb. 28. URL: <https://riss.ru/analitics/2500/> (date of access: 5.10.2019). (In Russ.)

Kratkaja istorija IB v Kitae: kak vozvodili Velikij kitajskij fajrvol [A Brief History of is in China: How the Great Chinese Firewall was Built]. Habr. 2018. Apr. 30. URL: <https://habr.com/company/vasexperts/blog/354698/> (date of access: 5.09.2019). (In Russ.)

Kul'pin Je.S. Istoricheskaja dinamika Kitaja skvoz' prizmu socioestestvennoj istorii. Kitajskaja civilizacija v globalizirujushhemsja mire [China's historical dynamics through the prism of social history. Chinese civilization in a globalizing world]. Moscow: IMEMO, 2014. Vol. 1. P. 110–125. (In Russ.)

Li Huzej. 40 let reform i otkrytosti: novaja otpravnaja tochka razvitija Kitaja v kachestve chlena VTO / Interv'ju s kitajskim poslom v Moskve [40 years of reform and openness: a new starting point for China's development as a WTO member / Interview with the Chinese Ambassador in Moscow]. TASS. 2018. Nov. 2. URL: <https://tass.ru/opinions/5750950> (date of access: 5.10.2019). (In Russ.)

Lim L., Bergin J. Inside China's audacious global propaganda campaign. Guardian. 2018. Dec. 7. URL: <https://www.theguardian.com/news/2018/dec/07/china-plan-for-global-media-dominance-propaganda-xi-jinping> (date of access: 11.07.2019).

Liu Xiaoming. New Silk Road is an opportunity not a threat. Financial Times. 2015. May 24. URL: <http://www.ft.com/intl/cms/s/0/c8f58a7c-ffd6-11e4-bc30-00144feabdc0.html#axzz3bH6GePCA> (date of access: 15.10.2019).

NI: SShA i Kitaj idut k vojne, no ee eshhe možno izbezhat'. RIA Novosti [NI: USA and China are going to war, but it is still possible to avoid it. RIA News]. 2015. Oct. 18. URL: <http://ria.ru/world/20151018/1304095531.html#ixzz48bsUHMBZ> (date of access: 12.08.2019). (In Russ.)

Obzornyj doklad o modernizacii v mire i Kitae (2001–2010) [Review report on global and Chinese modernization (2001–2010)]. Moscow: Ves' mir, 2011. 256 p. (In Russ.)

Pervyj gosudarstvennyj vizit Si Czin'pina v SShA prodolzhaetsja [Xi Jinping's first state visit to the United States continues]. ARD. 2015. Sept. 24. URL: <http://asiarussia.ru/news/9216/> (date of access: 5.10.2019). (In Russ.)

Portjakova N. Pekin v chest' jubileja ustroil krupnejshij v istorii KNR voennyj parad, Gonkong – novye besporjadki [Beijing held the largest military parade in Chinese history to commemorate the anniversary, Hong Kong – new unrest]. Izvestija. 2019. Oct. 2. URL: <https://iz.ru/927505/nataliia-portiakova/gordost-i-ubezhdeniia-kak-kitai-otmetil-svoe-70-letie> (date of access: 10.10.2019). (In Russ.)

Rehman Saif Ur, Zhao Shurong. Analysis of Chinese Economic and National Security Interests in China-Pakistan Economic Corridor (CPEC) under the Framework of One Belt One Road (OBOR) Initiative. Arts and Social Sciences. 2017. Vol. 8. N 4. URL: <https://www.omicsonline.org/open-access/analysis-of-chinese-economic-and-national-security-interests-in-chinapakistan-economic-corridor-cpec-under-the-framework-of-one-be-2151-6200-1000284.php?aid=91492> (date of access: 15.10.2019)/

Sharogradskij A. Kitajskaja piramida. Ischerpany li resursy dlja jekspansii? / Interv'ju s A.A. Maslovym. Radio «Svoboda» [Chinese pyramid. Are the resources for expansion exhausted? / Interview with A.A. Maslov. Radio «Liberty»]. 2018. Dec. 23. URL: <https://www.svoboda.org/author/andrej-sharogradskij/qmqi> (date of access: 5.11.2019). (In Russ.)

Si Czin'pin nazval politiku reform i otkrytosti jepohal'nym jetapom vozrozhdenija Kitaja [Xi Jinping called the policy of reform and opening up a milestone in China's rebirth]. TASS. 2018. Dec. 18. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5924525> (date of access: 5.10.2019). (In Russ.)

Si Czin'pin: 40 let reform i otkrytosti pozvolili sdelat' mnogo cennyh vyvodov. Sinhua Novosti [Xi Jinping: 40 years of reform and openness have allowed many valuable conclusions. Xinghua News]. 2018. Apr. 10. URL: http://russian.news.cn/2018-04/10/c_137100067.htm (date of access: 5.10.2019). (In Russ.)

Si Czin'pin. O gosudarstvennom upravlenii [Xi Jinping. About public administration]. Pekin: Izd-vo lit. na inostrannyh jaz., 2017. 650 p. (In Russ.)

«Soobshhestvo obshhej sud'by» Kitaj – ASEAN. Lenta-Politika [«Community of Common Destiny» China – ASEAN. Lenta-Politics]. 2013. Oct. 9. URL: <http://www.rondon.org/polit-131009112938> (Date of access: 5.10.2019). (In Russ.)

Svishhev A. Smozhet li Kitaj vyjti za ramki podrazhanija svoim bolee razvitym partneram. Versija [Will China be able to go beyond the imitation of its more developed partners. Version]. Oct. 28. 2019. N 41. URL: <https://versia.ru/smozhet-li-kitaj-vyjti-za-ramki-podrazhaniya-svoim-bolee-razvitym-partneram> (date of access: 5.11.2019). (In Russ.)

Swaine M.D. Chinese views and commentary on the «One belt, one road» initiative. S. I.: Hoover institution, 2015. 24 p. (China leadership monitor N 47).

Swaine M.D. Xi Jinping's address to the Central conference on work relating to foreign affairs: Assessing and advancing major power diplomacy with Chinese characteristics. S. I.: Hoover institution, 2015. 19 p. (China leadership monitor N 46).

Vinogradov A.V. Kitajskaja civilizacija i sovremennost'. Kitajskaja civilizacija v globalizirujushemsja mire [Chinese civilization and modernity. Chinese civilization in a globalizing world]. Moscow: IMEMO, 2014. Vol. 1. P. 172–176. (In Russ.)

Yan Xuetong. From keeping a low profile to striving for achievement. Chinese j. of international politics. Oxford, 2014. Vol. 7. N 2. P. 153–184.